

УДК 81'42

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-26

И.А. ПУШКАРЕВА,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета
(Российская Федерация)

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ОСНОВЕ СМЫСЛОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

(на материале стихотворения М.И. Цветаевой 1918 г.

«Не самозванка – я пришла домой...»)

В статье рассматривается лингво-смысловой аспект лексической структуры поэтического текста. В качестве опоры для интерпретации стихотворения охарактеризованы смысловые лексические парадигмы – ассоциативные ряды слов и сверхсловных элементов, основанные на контекстуальной семантической связи. Анализ стихотворения М.И. Цветаевой «Не самозванка – я пришла домой...» (1918) подтверждает важную роль смысловых лексических парадигм в процессе смыслоформирования и позволяет выявить ключевые в творчестве поэта смыслы, связанные с противопоставлением «вертикали» (духовного) и «горизонтали» (материального), с темой экзистенциального поиска.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, смысловая лексическая парадигма, идиостиль М. Цветаевой, интерпретация текста.

У статті розглянуто лінгво-значеннєвий аспект лексичної структури поетичного тексту. Як опору для інтерпретації вірша охарактеризовано значеннєві лексичні парадигми – асоціативні ряди слів та надслівних елементів, які базуються на контекстуальному семантичному зв'язку. Аналіз вірша М.І. Цвєтаєвої «Не самозванка – я пришла домой...» (1918) підтверджує важливу роль значеннєвих лексичних парадигм у процесі смислоформування та дозволяє виявити ключові у творчості поета смисли, які пов'язані з протиставленням «вертикалі» (духовного) і горизонталі (матеріального), з темою екзистенціального пошуку.

Ключові слова: комунікативна стилістика тексту, значеннєва лексична парадигма, ідіостиль М. Цвєтаєвої, інтерпретація тексту.

1918 год в жизни Марины Цветаевой – первый год разлуки с С.Я. Эфроном и в то же время год плодотворного поэтического творчества. «Ещё в январе Сергей Эфрон, не внявший её просьбам повременить с приездом из Коктебеля, тайно появился на несколько дней в Москве. 18 января она видела его последний раз перед более чем четырёхлетней с лишним разлукой. Из Москвы он уехал в Ростов, где формировалась добровольческая армия Корнилова» [1, с. 131]. А.А. Саакянц отмечает парадоксальное сосуществование «одинокого духа» Цветаевой с её интенсивным общением (знакомство со многими поэтами, посещение литературных вечеров, участие в поэтических сборниках) [1, с. 132]. Так, весной 1918 г. «она дала пять стихотворений в альманах «Весенний салон поэтов» (вышел весной восемнадцатого)» [1, с. 132]. «Пороховой» 1918 год был для поэта годом плодотворной работы: «написала больше ста тридцати стихотворений (в то время как в «благополучном» шестнадцатом – чуть больше ста десяти) и две пьесы» [1, с. 132]. На фоне истори-

ческих катаклизмов и драматических поворотов судьбы в творчестве Цветаевой обретает особую значимость тема внутреннего мира, истинного пути души. Рассмотрим особенности её семантико-стилистического воплощения в стихотворении, написанном в апреле 1918 г., – «Не самозванка – я пришла домой...» (апрель 1918) [2, с. 394].

Примем за основу интерпретации методику реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста, разработанную в рамках коммуникативной стилистики текста [3, с. 58–61]. Данная методика возникла на границе системно-структурной и функционально-прагматической парадигм в лингвистике. Связь методики реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста с системно-структурной парадигмой знания проявляется в осмыслении речевой системности текста как ассоциативно-вербальной сети, основанной на законах текстовой парадигматики и текстовой синтагматики. Характеристика текстовой синтагматики и текстовой парадигматики учитывает выразительность языковых средств, представляющих разные уровни (хотя признаётся роль лексического уровня как основного). Связь методики реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста с функционально-прагматической парадигмой лингвистики проявляется в том, что ассоциативно-вербальная сеть текста рассматривается в соотнесённости с авторским замыслом и закономерностями читательского восприятия.

Основа для реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста – выявление смысловых лексических парадигм (далее СЛП). Теория СЛП возникает как проекция идей структурализма Ф. де Соссюра на текст. Как известно, в соответствии с концепцией Ф. де Соссюра системность языка проявляется в двух типах отношений – ассоциативных (парадигматических) и синтагматических; понятие ассоциативных рядов было введено учёным при характеристике ассоциативных отношений, которые, наряду с синтагматическими, составляют основу системной организации языка [4, с. 155–158]. Члены ассоциативного ряда (группы) в языковой системе связывает «либо общность как по смыслу, так и по форме, или только по форме, или только по смыслу», причём «любой член группы можно рассматривать как своего рода центр созвездия, как точку, где сходятся другие, координируемые с ним члены группы, число которых безгранично» [4, с. 158]; ассоциативные отношения «локализируются в мозгу», слова объединяются в «виртуальные», «мнемотические» ряды [4, с. 156].

Текстовая системность так же, как и языковая, проявляется в синтагматических и парадигматических отношениях, особенно значимых на лексическом уровне текста. Причем слова и сверхсловные элементы как часть лексической структуры текста и знаки его смысловой структуры вступают в парадигматические отношения не только с «любым элементом или множеством элементов, находящихся вне данного текста» [5] и соотнесенных с текстом в сознании читателя, но и во внутритекстовые отношения. Таким образом, СЛП представляют собой входящие в лексическую систему текста ассоциативные пары и фрагменты ассоциативных рядов слов и сверхсловных элементов, как уже существующие в языковом сознании читателя, так и сформированные текстом. «Общность», которая связывает члены ассоциативного ряда слов и сверхсловных элементов в тексте, проявляется в таком феномене текстовой организации, как повтор. Ю.М. Лотман связывает существование и значимость повтора с «признаками упорядоченности» текста, отмечая при этом «повышенные признаки упорядоченности» художественного текста [6, с. 50].

Обращение не только к языковым, но и к текстовым парадигмам связано с текстоцентризмом современной лингвистики, с лингвистическим анализом художественного текста [7–10 и др.]. Согласно определению Н.С. Болотновой, текстовая парадигма – это «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных элементов), объединённых концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и/или внутреннего (лингвистического)» [11, с. 40]. Семантическая основа соотнесённости компонентов лексической парадигмы на основе повтора и контраста соответствует характеристике таких типов связи в лексических полевых структурах, как связь-вхождение и связь-расхождение [12]. В работах по коммуникативной стилистике текста представлено исследование смысловых лексических парадигм, основанных на связи-вхождении и связи-расхождении, в лирике М.И. Цветаевой [13]. «На идентичности сем основано несколько видов связи, обозначаемых нами общим термином “вхождение”»: гиперо-гипонимическая, пересечение, синонимическая, градуальная, партитивная [12, с. 34–35]. В основе смысловых

лексических парадигм, реализующих связь-вхождение, лежит явление изотопии, впервые в лингвистике текста описанное А. Греймасом (1966). «Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется “семная рекуррентия”, т.е. семный повтор. Другими словами, в разных частях текста (фрагмента текста) повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы, в результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста)» – «изотопическая сеть» (Isotopienetz) [14, с. 260]. В процессе анализа стихотворения М. Цветаевой выявлялись текстовые СЛП, основанные на семной рекуррентии, – изотопические цепочки, актуализированные благодаря такому типу выдвижения, как повтор, – и СЛП, основанные на семантическом контрасте, на связи-расхождении [12, с. 38–39].

В стихотворении «Не самозванка – я пришла домой...», как и в творчестве М. Цветаевой в целом, ярко проявляется поэтика контрастов. Ю.К. Лекомцев обосновывает подход к тексту как к «совокупности напряжений и разрядок, создаваемых многими парами антонимов в их многократных вхождениях» и подчёркивает, что «такой подход к тексту вряд ли связан полностью с раскрытием текстового содержания <...>, но скорее – с архитектурой его перцептивного, эмоционального и интеллектуального драматизма» [15, с. 197]. В смысловой организации стихотворения «Не самозванка – я пришла домой...» важны несколько антонимических пар, каждый компонент которых, в свою очередь, входит в изотопическую цепочку, актуализирующую интегральный смысл лексической парадигмы, «растягивающую» его по тексту и усиливающую эмоционально-эстетическое воздействие на читателя.

Стихотворение начинается с самохарактеристики лирической героини:

Не самозванка – я пришла домой <...>

«Статус» лирической героини обозначает СЛП с семантическим контрастом «самозванка – дом»: дом – это то, чем владеют по праву, самозванец же – «тот, кто выдаёт себя за другого человека, незаконно присваивает себе чужое имя, звание» [16, с. 19]. Экспрессивное начало текста создаётся с помощью акротезы, в которой лирическая героиня проявляется в своей протестующей ипостаси (М. Цветаева неоднократно использует построение сильной позиции начала текста с частицей *не*: в семитомное собрание сочинений входит 55 таких стихотворений). Акротеза позволяет понять утверждение, скрытое за экспрессивным отрицанием: лирическая героиня находится здесь по праву, она обрела свой дом. В народной культуре дом – «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и предков)» [17, с. 168]. Именно дом является тем местом, где законы простираения гармонично соответствуют внутренним особенностям человека, дом – родное пространство, позволяющее человеку быть самим собой, защищающее его право на это. Тема обретения дома звучит уже в первой строке, за которой скрыта и тема пути к дому, эксплицированная перфективом *пришла*. В семантике глагола обретение цели сочетается с указанием на предшествующий этому путь. Однако на этапе восприятия первой строки для читателя остаётся неразрешённым вопрос о том, где *дом* лирической героини.

Вторая строка благодаря синтаксическому параллелизму усиливает протестующе-утверждающее звучание первой:

И не служанка – мне не надо хлеба.

Изотопическая СЛП «не самозванка – не служанка» актуализируют образ хозяйки, госпожи, подчёркивают достоинство лирической героини. Отказ от *хлеба*, категоричность которого выражена экспрессивным использованием тире и безличной конструкции, соотносится как с изотопической СЛП «служанка – хлеб» (семантика низкого, зависимого статуса, работы за плату), так и – на основе метонимии – со смыслом отказа от материального, бренного (лейтмотив в творчестве М. Цветаевой).

Третья и четвёртая строки актуализируют градуальную СЛП «страсть твоя – воскресный отдых твой – твой день седьмой – твоё седьмое небо»:

Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,

Твой день седьмой, твоё седьмое небо.

Поток самохарактеристик составляет основу стихотворения: на явлении повторной номинации основана СЛП, которая растягивается на обе строфы: «не самозванка – не служанка – страсть твоя – воскресный отдых твой – твой день седьмой – твоё седьмое

небо – ласточка твоя – Психея». Приём повторной номинации связан с обозначением сложного и многогранного явления, с путём речевого субъекта к истинному имени. Г.И. Богин рассматривает способность, готовность языковой личности к «перевыражению» как «лингвистический коррелят рефлексивной способности человека» [18, с. 10]. В том, что язык предпочитает не точную номинацию, а приблизительную, исследователи видят «проявление особой диалектики именования вообще, заключающегося в постоянной неудовлетворённости говорящего номинацией» [19, с. 94]. Эта естественная неудовлетворённость – стимул для номинативного освоения действительности, при анализе которого важна мотивировка появления каждой новой номинации.

Именно с самохарактеристики начинается текст, причём каждый компонент ключевой СЛП благодаря синтаксической позиции наделён предикативностью. Все самохарактеристики приближают к ответу на вопрос «Кто я есть?», который постепенно перерастает в вопрос «Кто я есть для тебя?». Корректировка вопроса происходит при восприятии градуальной СЛП, которая экспрессивно оформлена с помощью асиндетона и репризы притяжательного местоимения. Повтор притяжательного местоимения, представленный в третьей и четвёртой строках в различных позиционных разновидностях, актуализирует в смысловой организации текста образ «ты»-субъекта, позволяет интерпретировать весь текст как обращение-объяснение и вызывает вопрос о лирическом адресате. Повторы притяжательного местоимения актуализируют смыслы неразрывной связи лирической героини с лирическим адресатом и несомненной значимости героини для него (позиция лирической героини).

Итак, какие ипостаси лирической героини представлены в градуальной СЛП и что позволяет интерпретировать смысловую соотнесённость компонентов данной СЛП как восходящую градацию? «*Страсть твоя*» – ипостась земной любви, сильное и иррациональное чувство. Компоненты «*воскресный отдых твой*» и «*твой день седьмой*» создают образ возвышенного чувства, соотносят его с сакральной семантикой и только на первый взгляд могут показаться абсолютными синонимами. Второй компонент градуального ряда связан с культурным кодом Нового Завета, поскольку именно в нём значима культурная память слова *воскресенье* как семантика преодоления смерти, обретения права на вертикаль (духовное, божественное, небесное) в горизонтальном (материальном, земном) измерении. Это право человечество обрело через жертву Иисуса Христа, искупившего своим страданием людские грехи. *Воскресный отдых твой* – возвышенное состояние человека, устремлённого к духовному миру. В третьем компоненте градуального ряда состояние обретает ещё большую высоту, ибо образ седьмого дня восходит к Ветхому Завету, к истории сотворения мира в течение шести дней. *Твой день седьмой* – состояние творческой радости от гармоничного воплощения замысла. На первый взгляд, достигнута максимальная смысловая и пространственная высота. Но, задав вертикаль в организации художественного пространства, М. Цветаева доводит смысловую «лестницу» до вершинной точки – *твоё седьмое небо*. Вместе с компонентами градационного ряда мы вслед за лирической героиней покидали землю, уходили в праисторию всё глубже – от Нового Завета к Ветхому Завету – и вот достигли дохристианских времён, культурная память о которых запечатлена во фразеологизме *быть на седьмом небе: твоё седьмое небо* – наивысшее блаженство, которым является героиня для лирического адресата, согласно её эмоциональной самохарактеристике.

И с этой высоты читатель падает на землю – в момент восприятия СЛП антонимов «*небо – земля*», соотносящей две строфы на основе контраста:

Там на земле мне подавали грош

И жерновов навешали на шею.

Прагматический эффект усиливается резким контрастом на границе двух строф. Читатель возвращается к вопросу о том, где же *дом* лирической героини. Ведь *земля* представлена с помощью местоименного наречия *там*, семантика которого указывает на дистанцию по отношению к «здесь» (*домой*). Образ земли сопряжён с негативными коннотациями, с мотивами боли, разрушения и тяжести. Виновики страданий лирической героини представлены в собирательном образе, создаваемом неопределённо-личными конструциями.

Изотопическая СЛП, связанная с образом земли, – «земля – грош – жернова». Безусловно, она противопоставлена в смысловой организации «небесному» ряду самохарактеристик лирической героини. Компоненты «земной» изотопической цепочки передают смыслы унижения и непризнания; характерно, что наименование мелкой монеты представлено формой единственного числа имени существительного. Изотопическая СЛП «грош – хлеб» контрастно оттеняет чувство достоинства лирической героини и в то же время передаёт её обиду из-за непризнания, непонимания, унижения. Экспрессивный образ *жерновов на шее* сопряжён со смыслом разрушительной тяжести. Особенности вербализации данного метафорического образа (лексическое значение, форма множественного числа имени существительного, семантика интенсивности, переданная префиксом *на-*) экспрессивно актуализируют деструктивную семантику, связанную с темой земной жизни в труде и страданиях. «Земная» СЛП связана также с использованием аллитерации шипящих, ассоциативно сопряжённой с образом душащего, губящего, «бесполётного» земного состояния. Земля для лирической героини – пространство пыток, мук, это не её дом. Её дом обретается через преодоление земного измерения, в духовной вертикали. Не случайно в последней строке представлены компоненты ключевого ряда самохарактеристик, актуализирующие мотив «крылатой» природы лирической героини:

– *Возлюбленный!* – *Ужель не узнаёшь?*
Я ласточка твоя – Психея!

Изотопическая СЛП «*ласточка – Психея*» актуализирует тему «крылатости» лирической героини – лейтмотив творчества М. Цветаевой. *Ласточка* – не только ласковое именование женщины. Ласточка в народном сознании является «любимой Богом», «чистой, святой птицей» [17, с. 242]. «В христианской символике обращающиеся с молитвенной просьбой к богу уподобляются ласточкам, которые всегда голодны и страдают; молодая ласточка – символ жажды духовной пищи» [20, с. 39]. «Греческое слово *Психея* означает “душа” и “бабочка” <...>. Психея представлялась и как летящая птица» [20, с. 344]. Кроме того, Психея – героиня «поэтической сказки о странствиях человеческой души, жаждущей слиться с любовью» [20, с. 345].

В предпоследней строке читатель встречает номинацию «ты»-субъекта – *Возлюбленный*. Это субстантивированное причастие диахронически связано с семантикой высокой, чистой любви. Благодаря включённости в контекст темы поисков небесного дома и старославянскому происхождению это обращение позволяет наделить образ возлюбленного лирической героини божественной сущностью. Данное направление смыслоформирования поддерживает и культурная информация, связанная с историей Психеи и Амура. За вопросом, адресованным возлюбленному, скрыта мысль о невозможности быть неузнанной. Однако эмоциональная напряжённость создаётся именно образом героини, стоящей у входа в свой дом, знающей, что её место здесь, но пока не получившей ответа. Средоточие текстового напряжения – образ Психеи, помнящей о земных муках, преодолевшей земное измерение и находящейся на пороге своего истинного дома, рядом с Возлюбленным.

Итак, в написанном в «пороховом» 1918 г. стихотворении «Не самозванка – я пришла домой...» М. Цветаева раскрывает «крылатую» природу своей лирической героини, её порыв обрести свой дом, своё родное пространство. И этот дом – не в материальном мире. Дом лирической героини М. Цветаевой – пространство духа, божественной высоты, свободы. Она ощущает себя богоравной, знающей своё призвание – преодолеть земную горизонталь тяжести и тленности, воспарить в чертоги души, высокой любви.

Подводя итоги, отметим, что выявление СЛП начинается на этапе восприятия текста, когда между словами и сверхсловными элементами возникает «смысловое эхо» (Б.А. Ларин), имеющее лингвистическую и экстралингвистическую основу. На этапе понимания текста состав каждой СЛП и характер семантической связи компонентов уточняются: читатель видит смысловые связи, погружаясь в текст, и в то же время актуализация смысловых связей между словами стимулирует это погружение. На этапе интерпретации адресат готов объяснить своеобразие ассоциативно-вербальной сети СЛП в тексте, роль ассоциативных рядов слов и сверхсловных элементов в создании направлений смыслоформирования и их взаимодействия в тексте. Компоненты СЛП превращаются из «лингвистических слов» в слова поэтические, наполненные текстовыми коннотациями.

Список использованных источников

1. Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А.А. Саакянц. – М.: Эллис Лак, 1997. – 816 с.
2. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с.
3. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.
4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
5. Лесскис Г.А. Синтагматика и парадигматика художественного текста / Г.А. Лесскис // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1982. – Т. 41, № 5. – С. 430–442.
6. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПб, 1996. – 848 с.
7. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты дингвосмыслового анализа / Н.А. Купина. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1983. – 160 с.
8. Купина Н.А. Модель целостного лингвистического анализа художественного текста / Н.А. Купина // Структура и семантика текста. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. – С. 5–13.
9. Хомаев В.И. Иерархия ассоциативных рядов слов в художественном тексте малого жанра / В.И. Хомаев // Структура и семантика текста. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. – С. 37–46.
10. Толстых Л.И. Смысловые парадигмы в художественном тексте и их лексическое выражение: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Толстых. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1988. – 16 с.
11. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПИ, 1994. – 212 с.
12. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин [и др.]. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 198 с.
13. Пушкарева И.А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Пушкарева. – Томск, 1999. – 22 с.
14. Филиппов К.В. Лингвистика текста: курс лекций / К.В. Филиппов. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2003. – 336 с.
15. Лекомцев Ю.К. Антонимический текст / Ю.К. Лекомцев // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 197–206.
16. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1982–1988. – Т. 4. – 800 с.
17. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
18. Богин Г.И. Типология понятий текста / Г.И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – 86 с.
19. Сахно С.Л. Акты номинации в речевом произведении / С.Л. Сахно, М.П. Семенюк // Организация речевого произведения и его составляющих. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1988. – С. 86–94.
20. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – Т. 2. – 720 с.

ABOUT LINGUISTIC ANALYSIS OF THE LITERARY TEXT ON THE BASIS OF SEMANTIC LEXICAL PARADIGMS (on the material of the poem by M. Tsvetaeva "I'm neither an impostor nor a guest!", 1918)

Irina A. Pushkareva, Kemerovo State University (Russian Federation). E-mail: iina_pushkareva2016@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-26

Key words: *communicative stylistics of the text, semantic lexical paradigm, idiosyncrasy of M. Tsvetaeva, text interpretation.*

Against the background of historical cataclysms and dramatic twists of fate, the topic of the inner world and of the true way of the soul becomes particularly important in the creativity of M.I. Tsvetaeva.

The article examines features of semantic and stylistic realization of this topic in the poem written in April 1918, "I'm neither an impostor nor a guest!"

The interpretation of the poem is based on the method of reconstruction of the associative semantic field of a text developed in the communicative stylistics of the text. The analysis includes semantic lexical paradigms: associative pairs of words as well as fragments of associative chains of words and superlexical elements in the lexical system of the text. These paradigms already exist in the language consciousness of the reader or appear in the text, due to the contextual semantic connection. The analysis of the poem by M. Tsvetaeva revealed, firstly, semantic lexical paradigms based on the same recurrence – isotopic chains actualized due to the repetition; secondly, semantic lexical paradigms based on the semantic contrast, on the connection-discrepancy.

The poem "I'm neither an impostor nor a guest!", as well as the whole creativity of M. Tsvetaeva, demonstrates the poetics of contrasts clearly. Several pairs of antonyms are important in the semantic organization of the poem "I'm neither an impostor nor a guest!" Each component of these pairs, in its turn, is a part of an isotopic chain actualizing the integral meaning of the lexical paradigm, "stretching" it in the text and intensifying the emotional and aesthetic influence on the reader.

The analysis of semantic lexical paradigms shows that in the poem "I'm neither an impostor nor a guest!" written in the "gunpowder year", 1918, M. Tsvetaeva reveals the "winged" nature of her lyrical heroine, the heroine's desire to find her own home, native space. This home is not in the material world. The home of M. Tsvetaeva's lyrical heroine is the space of spirit, divine height, and freedom. She feels equal to God and knowing her destiny: to overcome the heavy and perishable earthly horizontal, to fly to the habitation of soul and high love.

Detection of semantic lexical paradigms begins at the stage of the perception of the text when the "semantic echo" (B.A. Larin) between words and superlexical elements appears. This "echo" has a linguistic and extralinguistic foundation. At the stage of the comprehension of the text, the composition of each semantic lexical paradigm and character of the semantic connection between components become more precise: the reader sees semantic connections while sinking into the text and, at the same time, the actualization of semantic connections between words stimulates this sinking. At the stage of interpretation, the addressee is ready to explain the specificity of the associative and verbal network of semantic lexical paradigms in the text, the role of associative chains of words and superlexical elements creating directions of the forming of meaning and their interaction in the text. Components of semantic lexical paradigms turn from "linguistic words" into poetic words full of textual connotations.

References

1. Saakiant, A.A. *Marina Tsvetaeva. Zhizn' i tvorchestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and creativity]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997, 816 p.
2. Tsvetaeva, M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 volumes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994, vol. 1, 640 p.
3. Bolotnova, N.S. *Kommunikativnaia stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: Thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008, 384 p.
4. Sausure, F. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in general linguistics]. *Trudy po iazykoznaniiu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 31-273.
5. Lesskis, G.A. *Sintagmatika i paradigmatica khudozhestvennogo teksta* [Syntagmatics and paradigmatics of the literary text]. *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i iaz.* [The Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series.]. Moscow, 1982, vol. 41, no. 5, pp. 430-442.
6. Lotman, Yu.M. *O poetakh i poezii* [On poets and poetry]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 1996, 848 p.
7. Kupina, N.A. *Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvosmyslovogo analiza* [Sense of the literary text and aspects of the linguistic and semantic analysis]. Krasnoiarsk, KrasSU Publ., 1983, 160 p.
8. Kupina, N.A. *Model' tselostnogo lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta* [Model of the comprehensive linguistic analysis of the literary text]. *Struktura i semantika teksta* [Structure and semantics of the text]. Voronezh, VSU Publ., 1988, pp. 5-13.
9. Khovae, V.I. *Ierarkhiia assotsiativnykh riadov slov v khudozhestvennom tekste malogo zhanra* [Hierarchy of the associative chains of words in the literary text of a small genre]. *Struktura i semantika teksta* [Structure and semantics of the text]. Voronezh, VSU Publ., 1988, pp. 37-46.
10. Tolstykh, L.I. *Smyslovye paradigmy v khudozhestvennom tekste i ikh leksicheskoe vyrazhenie*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Semantic paradigms in the literary text and their lexical expression. Extended abstract of cand. philol. sci.diss.]. Leningrad, LSPI Publ., 1988, 16 p.
11. Bolotnova, N.S. *Leksicheskaiia struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical structure of the literary text in the associative aspect]. Tomsk, TSPI Publ., 1994, 212 p.
12. Popova, Z.D. *Polevyie struktury v sisteme iazyka* [Field structures in the system of language]. Voronezh, VSU Publ., 1990, 198 p.

13. Pushkareva, I.A. *Smyslovye leksicheskie paradigmy v lirike M.I. Tsvetaevoy*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Semantic lexical paradigms in the lyrics by M.I. Tsvetaeva. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 1999, 22 p.
14. Filippov, K.V. *Lingvistika teksta: kurs lektsiy* [Linguistics of the text: lecture course]. St. Petersburg, SPbU Publ., 2003, 336 p.
15. Lekomtsev, Iu.K. *Antonimicheskiy tekst* [Antonymic text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, p. 197-206.
16. Evgen'eva, A.P. (ed.) *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Russian dictionary: In 4 volumes]. Moscow, Russkiy iazyk Publ., 1982-1988, vol. 4, 800 p.
17. Tolstaya S.M. (ed.) *Slavianskaia mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995, 416 p.
18. Bogin, G.I. *Tipologiya ponimaniia teksta* [Typology of comprehension of the text]. Kalinin, KSU Publ., 1986, 86 p.
19. Sakhno, S.L. *Akty nominatsii v rechevom proizvedenii* [Acts of nomination in the piece of speech]. Sakhno, S.L. & Semeniuk, M.P. *Organizatsiia rechevogo proizvedeniia i ego sostavliaiushchikh* [Organization of the piece of speech and its components]. Cheliabinsk, ChSPI Publ., 1988, pp. 86-94.
20. Tokarev S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: in 2 volumes]. Moscow, Bol'shaia Rossiyskaia entsiklopediia Publ., 1998, vol. 2, 720 p.

Одержано 5.10.2018.